

Первый роман

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Запоздалое раскаяние

Вера и Марина Воробей

Запоздалое раскаяние

Серия «Первый роман»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162995
Запоздалое раскаяние: Росмэн-Прессс; Москва; 2003
ISBN 5-353-00992-4

Аннотация

Люся Черпахина тяжело пережила крах своей первой любви. Справиться с сердечным кризисом ей помогла работа на телевидении в молодежной музыкальной программе. Неожиданно для себя она стала популярной ведущей, и теперь ее даже узнают на улице. Казалось, она уже забыла свою несчастную любовь. И вдруг неожиданный звонок Гены Ясеновского...

Содержание

1	4
2	9
3	21
4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вера Воробей, Марина Воробей Запоздалое раскаяние

1

В комнате было темно. Черепашка вернулась со съемок поздно, около одиннадцати часов. Лелика дома не было: тоже, наверное, задерживалась на работе. Отчего-то Люсе не хотелось включать свет. И вообще ничего не хотелось делать. Только спать. Безумно хотелось спать. И если бы не этот звонок, она бы так и уснула, сидя на диване в темной комнате в джинсовом костюме и модных ботинках «Доктор Мартинс». Сумасшедшая популярность и слава, внезапно обрушившиеся на ви-джея Черепашку, почему-то совсем не радовали ее. И Люсе было странно осознавать этот факт.

Телефон продолжал звонить, а она почему-то не спешила взять трубку. Наконец, медленно поднявшись с дивана, она нехотя подошла к телефону:

– Алло!

– Люся, это я – Гена!

– Кто?

Хотя в комнате не было света, Черепашка почувствова-

ла, как в глазах потемнело и закружилась голова. Не в силах устоять на ногах, она опустилась на стул.

– Гена, Гена Ясеновский, – пояснили между тем на другом конце провода.

– Здравствуй, Гена Ясеновский, – произнесла она, приходя в себя.

– Здравствуй! – радостно крикнула трубка. – Если б ты знала, как я рад слышать твой голос! И вообще, ты – супер! Я твою программу «Уроки рока» не разу еще не пропустил! Просто класс!

– Спасибо, – тихо отозвалась Черепашка. – Я рада, что тебе нравится.

– Не то слово! – захлебывался от переполнявших его эмоций Геша. – Слушай, а мы не могли бы с тобой встретиться?

– Могли бы, – неожиданно для себя ответила Люся.

– А когда?

– Не знаю, мне нужно в блокноте посмотреть. У меня теперь график...

– Понятное дело...

– Подожди минутку, хорошо?

– Да хоть всю жизнь!

Эта фраза, произнесенная с характерной интонацией, от которой Черепашка давно отвыкла, отозвалась в ее душе легкой горечью. Она словно бы неловкость за него почувствовала. Люся аккуратно положила трубку на журнальный столик, включила свет и достала из рюкзака блокнот.

Если бы полгода назад ей сказали, что она вот так спокойно будет выбирать время для встречи с Геной Ясеновским, сосредоточенно изучая график съемок, она, конечно, ни за что не поверила бы. Однако именно так все сейчас и происходило. Черепашка, наблюдая за собой как бы со стороны, пристально вглядывалась в слова и цифры, написанные мелким почерком на узенькой страничке записной книжки. Трубка по-прежнему лежала на журнальном столике, а на том конце провода в нее дышал тот, кто полгода назад растоптал ее первую любовь.

– Завтра у нас что, воскресенье? – За то время, пока Люся изучала график съемок, она уже совсем успокоилась и говорила теперь своим обычным тихим, немного низким и глубоким голосом.

– Воскресенье! – радостно подтвердил Гена.

– С четырех часов я свободна. Можем встретиться где-нибудь в половине пятого...

– Давай, а где?

– Можно на «Чистых прудах» в центре зала, – предложила Черепашка: ведь именно на этой станции она переходила на свою ветку.

– Я буду ждать. Ты правда придешь?

– Да.

Черепашка резко опустила трубку. Ее рука еще долго лежала на телефонном аппарате, даже пальцы побелели от напряжения, сжимая трубку. Что же она наделала? Зачем со-

гласилась на эту встречу? Не по его ли вине не так давно она стояла на самом краю пропасти? Не из-за него ли угодила в больницу на целых два месяца? И что же? Все забыто? Так быстро?

«Вот именно. — Черепашка медленно приводила свои мысли и чувства в порядок. — Вот именно — все забыто. И слава богу! Теперь я спокойно могу встретиться с ним и поболтать... А почему бы и нет, собственно говоря? Что от меня, от прежней, осталось? Да ничего! Разве что очки, которые вопреки всем маминым стараниям мне все-таки удалось отстоять!»

Пока первая программа еще только готовилась, Черепашкина мама, которую все называли Леликом, упорно настаивала, чтобы дочь поменяла оправу. Елене Юрьевне казалось, что Люсе пойдет круглая, тонкая и позолоченная. Или черная, в крайнем случае, но непременно тонкая и круглая. Черепашкина мама искренне желала, чтобы ее дочь выглядела в кадре современной и модной. Сколько денег она, бедная, угробила на эти дурацкие очки! Однако всегда покладистая и сговорчивая, Черепашка в этом вопросе проявила неожиданную твердость и принципиальность. Менять оправу Люся отказалась наотрез. И теперь, спустя полгода, Лелик понимала, что дочь была права. Огромные, в толстой пластмассовой оправе очки были, пожалуй, самой запоминающейся деталью Люсиной внешности — ее «фишкой», как теперь принято выражаться. Именно они, эти несуразные и старомод-

ные очки, стали изюминкой Черепашкиного экранного образа. И именно они придавали ее лицу трогательное обаяние и делали Люсю непохожей на всех остальных виджеев.

Всю ночь Люсе снились светлые и радостные сны. Наутро она, правда, даже не вспомнила их содержания, но осталось ощущение, а вернее, предчувствие чего-то хорошего и нового. «Нужно рассказать Лу о Генином звонке», – подумала было Черепашка и даже набрала первые цифры телефона подруги, но неожиданно для себя самой вдруг опустила трубку. Внезапно ее одолели сомнения. А правильно ли она поступила, согласившись на эту встречу? Во всяком случае, Лу точно не одобрит ее решения.

Что же это получается? У Черепашки совсем нет гордости? Гордость... Но ведь, вспоминая о Гене, она не чувствовала ничего похожего на обиду или злость. За все эти полгода, прошедшие со дня их последней встречи, она вообще очень редко вспоминала о нем. А если это и происходило, в Люсиной душе всегда возникало одно и то же щемящее чувство, названия которому она не знала. Но никакого, как принято говорить, отрицательного оттенка это чувство не имело. А может, она все еще любит Гену? Да нет! Конечно же нет! Тогда зачем она согласилась встретиться с ним? Ответить на этот вопрос Черепашка не могла.

Теперь знакомству с ней были рады тысячи молодых людей. Именно так, безо всякого преувеличения. Ведь ее популярность превзошла самые оптимистические прогнозы про-

дюсеров программы «Уроки рока». Ее поклонники, если не сказать фанаты, создали в Интернете сайт, на котором можно было прочитать все новости Черепашкиной жизни, а при желании зайти на чат и пообщаться друг с другом. Правда, очень часто это были либо сплетни, либо какие-то придуманные случаи, которые не имели ничего общего с тем, что с Люсей происходило в реальности.

Редакция молодежной телекомпании была завалена письмами, адресованными ви-джею Черепашке, и почти в каждом содержалась просьба о личной встрече. Конечно, Люся просто не могла читать все эти письма, не говоря уже о свиданиях – на них у нее вообще не было времени. Однако редакторы программы письма читали и, отбирая самые интересные, передавали Черепашке. Еще существовал официальный сайт, который назывался www.urokirocka.ru. Туда Люся заглядывала почти каждый вечер. Это входило в ее обязанности. Она, разумеется, выборочно отвечала на вопросы поклонников, и только лишь на те из них, которые касались непосредственно музыки и ее встреч со звездами отечественного рока.

Черепашка делилась своим отношением к разным музыкальным альбомам, а также к самим исполнителям. По сути, ее впечатления представляли собой короткие очерки.

Поначалу Елена Юрьевна помогала дочери в этом непростом деле, ведь она была профессиональным журналистом и работала редактором в телекомпании «Драйв». А потом Лю-

ся научилась сама составлять вопросы для интервью и делилась со зрителями своими впечатлениями с такой легкостью и знанием дела, что Лелик только удивлялась и радовалась за дочь. И если раньше Елена Юрьевна жалела и опекала свою не от мира сего Черепашку, с грустью называя ее инопланетянкой, то теперь по-настоящему ею гордилась.

А может быть, в Люсе, когда она соглашалась на свидание с человеком, принесшим ей столько боли, говорило неосознанное желание отомстить ему? Вернее, не отомстить, а доказать, что у нее все нормально и даже отлично, несмотря на то, что полгода назад он ее бросил. Пусть посмотрит, какой она стала! Ей теперь плевать и на него, и на тысячи таких, как он! И пусть кусает локти – вот кого он потерял! Не тихую, застенчивую и невзрачную девушку в огромных очках, по прозвищу Черепашка, а настоящую звезду, видя жея Черепашку. Да за одну только возможность встречи с ней любой парень нашей необъятной Родины отдал бы все!

Но даже если что-то похожее и зародилось в Черепашкиной душе, то лишь на миг, потому что главной и, наверное, единственной причиной, по которой она согласилась встретиться с Геной, было желание просто увидеть его. Желание, в котором Люся ни за что не призналась бы даже самой себе. А еще ей было любопытно посмотреть, изменился ли Геня за эти полгода. По-прежнему ли ясен взгляд его синих глаз, так же ли, как раньше, торчат шапкой вокруг головы его густые темно-русые волосы, или теперь он носит другую

прическу? Изменилась ли его улыбка, порывистость жестов, голос? Впрочем, вчера она его голос слышала, и он остался прежним, во всяком случае по телефону. Разве что никогда раньше Гена не разговаривал с ней таким просительным, заискивающим голосом.

«Нет, – решила Черепашка, – лучше я вечером позвоню Лу. Уже после этого... свидания». Слишком хорошо Люся знала свою подругу. И сейчас ей не хотелось тратить время на пререкания с ней. Ведь та непременно начнет ее отговаривать, будет приводить веские и разумные доводы. И в общем-то будет права. Когда в следующую секунду зазвонил телефон, Люся знала почти наверняка – это Лу. Во-первых, она вообще часто угадывала человека по звонку, а во-вторых, между Черепашкой и Лу существовала некая тонкая связь. Очень часто подруги принимались звонить друг другу одновременно, в одну и ту же секунду. А потом осыпали друг дружку упреками: «Полчаса уже до тебя дозвониться не могу! – А я – до тебя!»

– Алло! – крикнула Черепашка в трубку.

– Привет! Слушай, ты сегодня занята? – в голосе Лу слышалось нетерпение.

Вообще-то нетерпение являлось одним из самых отличительных качеств ее характера. И говорила Лу тоже всегда торопливо и эмоционально, словно боялась, что вот сейчас ее оборвут и не дадут досказать самого главного.

– Вообще-то мне к одиннадцати в Останкино, а что? – Че-

репашка твердо решила не посвящать Лу в свои планы на вечер.

– Жаль! Хотела пригласить тебя в одно место. А может, ты ближе к вечеру уже освободишься?

Люся не умела врать. Совершенно. Последовала пауза, она прокашлялась, чтобы потянуть время, а потом сказала:

– Нет, Лу, с утра у меня съемка, а потом одна встреча...

– С кем? – моментально оживилась Лу.

– Я тебе потом расскажу...

– Та-ак, – недовольно протянула Лу. – Секреты, значит? Ну, ясное дело, ты же у нас теперь знаменитость! А мы – люди простые, скромные...

– Прекрати! – обрушилась на подругу Черепашка.

Она терпеть не могла, когда Лу даже в шутку заводила такие разговоры, упрекая ее в звездной болезни. На самом деле Люся осталась совершенно прежней и вела себя точно так же, как раньше. Правда, времени свободного у нее теперь действительно почти не было. Поэтому все обвинения в том, что Черепашка якобы зазналась, загордилась и «завездзилась», были совершенно беспочвенны. Впрочем, Лу, как никто, понимала это. Но иногда она все-таки позволяла себе подколоть Черепашку – без злости, конечно, просто так, в шутку. В отличие от большинства девчонок в классе, Лу ни капельки не завидовала Люсиному головокружительному успеху. Она совершенно искренне радовалась за подругу. И это обстоятельство, как ничто другое, доказывало, что друж-

ба их была настоящей.

– Ну, ладно, ты же знаешь, я шучу, – сказала Лу примирительным тоном. – Не хочешь говорить – не надо. Я просто за тебя беспокоюсь... Какое-то предчувствие нехорошее с самого утра...

– Какое предчувствие? – насторожилась Черепашка.

Дело в том, что Лу обладала очень тонкой интуицией, умела разгадывать сны, гадать на картах, а иногда даже предсказывать. Черепашка уже не раз имела возможность убедиться в необыкновенных способностях подруги, поэтому, когда Лу сказала о своем нехорошем предчувствии, у Люси на секунду сжалось сердце.

– Не знаю, – уклончиво ответила Лу. – Ты скажи, у тебя точно все в порядке?

– Да вроде бы, – как-то не слишком уверенно отозвалась Черепашка.

– Ну, тогда ладно, иди на свою тайную встречу. А то смотри, могли бы втроем на «Чикаго» сходить. Костик три контрамарки достал.

– Тем более... – вздохнула Люся. – Идите вдвоем. Я от музыки уже устала.

В словах Черепашки не было ни капли позы. За время работы на телевидении Люся действительно немного устала от современных ритмов, да и вообще от звуков, и, если выдавался свободный час, она предпочитала проводить его в полной тишине, читая любимых поэтов серебряного века.

«Хорошо, что я ничего ей не сказала! – с облегчением вздохнула Черепашка, вешая трубку. – А то бы сейчас такое началось! А это ее предчувствие... Ну, мало ли... – пыталась уговорить себя Люся. – Я же ничего, собственно, не планирую такого. Ну, встретимся, поболтаем минут пятнадцать и разбежимся в разные стороны!»

Так или примерно так думала Черепашка, надевая свою любимую толстовку из плотного трикотажа, черную с красными полосами. Люся теперь круто поменяла свой стиль. Раньше она предпочитала расклешенные юбки ниже колена, неброские свитера и обувь на невысоком каблуке. Теперь же в ее гардеробе почти все вещи были яркие, исключительно спортивного стиля. К этому ее обязывала все та же работа на телевидении. Ведь программа «Уроки рока» была рассчитана на подростков или, как их теперь называют, тинэйджеров, а значит, ведущая должна быть для них своей в доску, иначе ни о каком доверии с их стороны и речи быть не могло. И если прежде, каких-нибудь полгода назад, Черепашке было, откровенно говоря, вообще все равно, в чем ходить, то теперь в этом смысле ситуация кардинально поменялась. Черепашка получала за съемки вполне достаточно, чтобы позаботиться о своем гардеробе, а иногда даже и о маминим. Люся очень любила свою маму и с удовольствием делала ей подарки.

Гену Черепашка заметила издалека. И хотя народу на

«Чистых прудах», по обыкновению, было много, он почему-то выделялся из толпы. Люся давно обнаружила в нем эту способность – выделяться среди других людей. И причина этого крылась не только в его высоком росте и густой шевелюре. Было в нем что-то такое, что невозможно выразить словами. От Гены исходили некие энергетические импульсы или волны, которые иногда, как казалось Черепашке, можно было даже увидеть, настолько они были мощными. И хотя они не встречались целых полгода, Люся вспомнила, какое сильное волнение испытывала всякий раз, когда видела его издали. Почему-то почти всегда получалось так, что Люся первой замечала его. Однако сейчас, невзирая на огромное количество снующих туда-сюда людей, они увидели друг друга одновременно.

– Привет! – кинулся навстречу Гена.

– Привет! – Черепашка достала из кармана рюкзака темно-синий футляр и надела очки.

Теперь ей приходилось ездить в метро без очков – иначе ее узнавали, подходили, просили автограф. А Люся была не из тех, кому такие навязчивые знаки внимания доставляли удовольствие. Как правило, в такой ситуации Черепашка испытывала жгучее чувство неловкости. А может быть, она просто еще не успела привыкнуть к столь внезапно обрушившейся на нее славе? Во всяком случае, очки так сильно меняли внешность Черепашки, что без них она могла спокойно, не пряча лицо в воротник или шарф, ездить в автобусе

и в метро, не опасаясь, что какой-нибудь разбитной парень заставит ее краснеть и врать, что, мол, он ошибся и никакая она не Черепашка и даже не ее сестра.

И тут, как нарочно, едва она успела поправить на носу очки своим привычным, но с некоторых пор ставшим фирменным, жестом, около них возник неизвестно откуда взявшийся, словно выросший из-под земли молодой человек, одетый во все кожаное и черное.

– Вот прикол! – как ненормальный заорал он, протягивая Люсе потрепанную тетрадку. – Черепашка!! Черкни пару слов на память!

– Вы обознались, – опуская голову, выдавила из себя Люся и тут же почувствовала, как густая, горячая краска заливает ее щеки. И одновременно возникла мысль: «Не дай бог, Гена еще подумает, будто я нарочно подговорила этого парня попросить у меня автограф!»

– Да ты чего! – не унимался ее поклонник. – Что ты мне лапшу на уши вешаешь?! Я же не слепой, блин! Это ж ты «Уроки рока» ведешь?

– Пойдем скорей! – Люся взяла Гену под руку, и они быстро зашагали прочь.

– Круто! – восхищенно протянул Гена, когда они уже поднимались на эскалаторе. – С тобой теперь и ходить-то опасно!

– Это почему же? – Черепашка пристально вглядывалась в почти забытые, когда-то так любимые ею черты лица.

– Фанаты твои убьют!

– Не убьют, – обнадежила Люся.

Похоже, Гена был далек от мысли, что она подстроила эту встречу с поклонником. «Вот и отлично!» – с облегчением подумала Черепашка, а вслух сказала: – Ген, ты извини, но сегодня не получится поболтать...

– Почему? – в его голосе прозвучало разочарование.

– Я должна ехать сейчас в одно место. Когда мы с тобой договаривались о встрече, я еще не знала об этом.

– А что за место? – Гена наморщил лоб.

– Клуб «Форпост». Знаешь такой?

– Конечно, – обрадовался Гена. – А что там будет?

– Концерт одного рок-музыканта. Но ты его вряд ли знаешь... Ник Рок-н-ролл.

– Не, даже не слышал. А что он играет?

– Он не играет, а поет. Психоделический рок. Довольно сложная музыка. Как говорится, кино не для всех. И тексты непростые. А после концерта мне нужно с ним пообщаться и договориться о съемке.

– А мне с тобой можно? – Гена пристально посмотрел на нее, но тут же отвел взгляд в сторону.

Черепашка не спешила с ответом. Она будто бы чувствовала: от того, согласится ли она взять его с собой на концерт или нет, зависит сейчас очень многое. Какое-то время они ехали молча, держась за поручни эскалатора. Он ползл вверх, как никогда, медленно. Или Люсе только так

казалось? Она уставилась на свой рюкзак, а Гена внимательно изучал рекламные щиты на стенах. Вернее, он, конечно, только делал вид, что они его интересуют. Пауза затянулась. Внезапно Черепашка почувствовала, как его горячие пальцы коснулись ее руки.

– Ну так как? – услышала она его тихий, вкрадчивый голос.

Испуганно отдернув руку, Черепашка подняла голову. Его синие глаза, брови, нос, губы были сейчас так близко, что невольно Люся отпрянула назад и в следующую секунду чуть было не потеряла равновесие. Гена рывком притянул ее к себе, и Черепашка почувствовала, как предательская краска бросилась в лицо. Сердце под легкой ветровкой стучало учащенно и гулко. Высвободившись из его объятий, Люся сказала:

– Спасибо.

Ведь если бы Гена вовремя не придержал ее за талию, она бы точно упала – три нижние ступеньки эскалатора были свободны.

– Да не за что, – пожал плечами Гена. – Ты чего от меня, как от прокаженного, шарахаешься?

Черепашка почувствовала в его голосе обиду. Они шагнули к турникетам. Люся испытывала необыкновенное смещение. Мысли и чувства вихрем проносились в ее душе. «Что происходит? Ведь больше всего на свете я хочу, чтобы он пошел со мной! Но этого нельзя допустить, ни в коем случае!

Вспомни, как тебе было плохо! Вспомни слезы, больницу, уколы, капельницу!» – пыталась приказать себе Черепашка. Но снова, неожиданно для самой себя, Люся произнесла чуть дрогнувшим голосом:

– Ну ладно, пойдем, если ты так хочешь... Только вряд ли тебе там будет интересно.

– Я потерплю, – сказал Гена, улыбнулся и почему-то покраснел.

– Слушай, а зачем мы из метро вышли? – смущенно улыбнулась Черепашка. – Нам же на «Спортивную» нужно!

Гена смотрел на нее каким-то странным, пристальным взглядом. Казалось, он не слышал ее слов.

– Ты чего? – удивилась Люся и машинально поправила волосы. Теперь она носила короткую, под мальчика, стрижку.

– Да так... – вздохнул Гена. – Не верится просто, что это – ты, а это – я. Я думал, ты ни за что не согласишься со мной встретиться... После всего, что было.

– Давай договоримся, – теперь ее голос звучал твердо, почти резко, – о прошлом – ни слова. Той Черепашки, которую ты знал, уже нет на свете, ясно? Считай, что она умерла, и ты видишь перед собой другого человека. И вообще, если я согласилась взять тебя на концерт, это еще ни о чем не говорит, ясно?

– Ясно. – Гена опустил глаза. – Но я все равно должен сказать... Пусть даже ты меня потом прогонишь, и мы никогда больше не увидимся...

– Мы и так никогда больше не увидимся, – перебила Черепашка. – И вообще, я не знаю, зачем согласилась...

– Ты только не думай, что я позвонил из-за того, что тебя теперь по телевизору показывают... Я все время тебя вспоминал. И думал о тебе каждый день.

– Да? – Глаза Черепашки округлились и стали почти такими же огромными, как стекла очков. – А мне казалось, что ты о Лу думал, а не обо мне...

– Перестань! – Он осторожно коснулся ее рукава, но тут же отдернул руку, словно дотронулся до раскаленного железа. – Это было как затмение, понимаешь? Я имею в виду Лу. А как только мы переехали, я просто... ну, как будто рассудка лишился... Даже стихи сочинять начал. Но позвонить тебе не решался...

– И правильно делал! – Черепашка посмотрела на часы. – Из-за тебя я опоздаю на важную встречу.

– Еще пять минут, Люсь. Ну правда! – взмолился Гена.

Черепашка сунула руки в карманы и с вызовом, дерзко посмотрела прямо ему в глаза. Смутившись от ее взгляда, он опустил голову и после паузы тихо заговорил:

– А потом, когда первый раз увидел тебя в «Уроках рока», сначала даже не поверил, что это ты. Ты сейчас правду сказала – про другого человека. Ты действительно очень изменилась, Люсь.

Раньше Гена никогда не называл ее по имени. Малыш – вот как он называл ее раньше. И, по правде говоря, Люсю всегда коробило от такого обращения, но попросить не называть ее так она тогда не решалась. Слишком любила Гену. Теперь же это произошло само собой.

– Ты все сказал? – Черепашка нервно посмотрела на часы.

– Пять минут еще не прошло. – Гена слегка наклонил го-

лову. – И знаешь, я уверен, что на самом деле ты осталась прежней, а ви-джей Черепашка – это имидж. Образ, над которым ты старательно работаешь и по телевизору и в жизни. У меня такое ощущение, что ты немного заигралась. Просто не можешь остановиться.

– Так! – ухмыльнулась Черепашка. – Ты для чего попросил меня о встрече? Решил заняться моим воспитанием?

– Да при чем тут это! – Гена вскинул свои густые, четко очерченные брови. – Ты мне всякая нравишься... Просто я говорю, что ты ни капельки на самом деле не изменилась!

– Тебе так хочется?

– Мне все равно... Лишь бы ты была рядом.

Услышав эти слова, Черепашка демонстративно развернулась и зашагала к входу в метро.

Гена подошел к ней уже в вагоне. Люся не сразу даже заметила его, так тихо он подошел и опустился на свободное место рядом с ней. И потом она так глубоко ушла в воспоминания, что даже если б к ней подсел не Гена, а инопланетянин, она тоже едва ли обратила бы на него внимание. А вспоминала Люся тот самый злосчастный поход в рок-клуб «Нулевой цикл».

Они пришли на концерт «Ночных снайперов». Но по техническим причинам концерт не состоялся. «Снайперы» успели тогда спеть всего три песни. А потом они вчетвером – Люся, Гена, Лу и Шурик Апарин – пошли в кабинет отца

Шурика, который был директором, а вернее, хозяином клуба. Вот тогда-то Черепашка окончательно поняла, что Гене нравится не она, а Лу. Тогда Черепашка ушла из клуба раньше, потому что к ним с мамой приехал Сева – Черепашкин дядя. Сева оказался в Москве проездом. Утром ему нужно было лететь на фестиваль кукольников в Бельгию. Гена не проводил ее тогда, он остался с Лу... И когда Черепашка ехала в троллейбусе домой, она уже знала: это конец.

Больше они с Геной не виделись. Лишь когда она уже лежала в больнице, он передал через Юрку Ермолаева записку, в которой называл себя подлецом и говорил, что даже не просит Черепашку о прощении, потому что не достоин его. Вот и все. А потом Гена переехал в другой район, Люся стала телеведущей, а Лу влюбилась в Костю.

– А спорим, я знаю, о чем ты сейчас думаешь!

Черепашка вздрогнула:

– Я думала, ты домой поехал!

– Нет, я шел за тобой следом.

– А зачем?

– Ну ты же сказала, что берешь меня на концерт.

– При одном условии. – Черепашка строго посмотрела ему в глаза. Черты его лица казались размытыми. Ведь очки, по уже известным нам причинам, ей пришлось опять снять. Гена молча и терпеливо ждал. – Ты не произнесешь больше ни одного слова о своих ко мне чувствах.

– Согласен. Только скажу, о чем ты думала, когда я к тебе

подсел, и замолчу навек.

– Ну хорошо, говори... – Люся устало вздохнула.

– Ты вспоминала наш поход в «Нулевой цикл».

– Откуда ты знаешь? – искренне удивилась Люся.

– Лицо у тебя очень грустное было... Кстати, а зачем ты сняла очки?

Черепашке не хотелось называть истинную причину, поэтому, подумав секунду, она соврала:

– Глаза устают.

Сказав это, Люся сама почувствовала, как фальшиво прозвучал ее голос. Нет, Черепашка совершенно не умела врать, даже в таких мелочах. Однако Гена поверил.

– Странно, – пожал он плечами, – раньше ты их никогда не снимала. Может, тебе надо зрение проверить? Вдруг они тебе не подходят?

Люся почувствовала в его голосе искреннее беспокойство, и от этого на душе у нее стало как-то непривычно тепло. Поймав себя на том, что ей это нравится, она резко передернула плечами, будто хотела что-то сбросить со спины. Гена, заметив это движение, встревожился, по-своему истолковав его:

– Тебе холодно? Наденешь мою куртку?

И прежде чем Черепашка успела отказаться, он торопливо стянул с себя куртку и накинул ее на Люсины плечи. Этот нехитрый и такой, казалось бы, естественный для молодого человека порыв отозвался в ее душе новой волной тепла. К

горлу подступил комок. Раньше, если Гена и проявлял о ней заботу, то делал это как бы по велению долга, из желания показаться воспитанным.

Теперь же все было иначе. Все! И взгляд его изменился, и голос... и этот трепет, с которым он касался ее руки. Нет, так играть невозможно. Да и зачем ему играть? Стоп! А может, он хочет заново влюбить в себя Черепашку, чтобы вызвать зависть своих друзей, одноклассников? Ведь она теперь знаменитость! Придет в свою школу и скажет: «А я теперь с видежем Черепашкой дружу!» И возможно, из-за неосознанного желания проверить внезапно возникшую догадку, Люся вдруг, сама от себя этого не ожидая, сказала:

– А знаешь, я ведь решила бросить телевидение.

Гена молчал, и по его лицу невозможно было понять, какое впечатление произвела на него эта новость. А Черепашка, с удивлением отметив про себя, что на этот раз даже не покраснела, продолжила как ни в чем ни бывало:

– Во-первых, устаю ужасно, а во-вторых, учебу запустила. Мама волнуется. Часто приходится школу пропускать, понимаешь?

– Вообще-то ты, наверное, права... – задумчиво протянул Гена. – Сейчас пропустишь материал, потом трудно будет догнать. Телевидение телевидением, а образование получить все равно надо!

«Значит, дело не в моей звездности, – подумала Черепашка. – А в чем же тогда? Что ему вообще от меня нужно?»

– Я пошутила! – Люся улыбнулась. – Никуда я не собираюсь уходить. Мне моя работа очень даже нравится. И со звездами нравится общаться, и музыка их нравится, и в школе у меня все в порядке!

– Пошутила? А зачем?

Внезапно Люсе стало стыдно, что она так нелепо ведет себя. И потом, Гена с таким простодушным изумлением смотрел сейчас на нее, что Черепашка почувствовала к нему что-то похожее на жалость. Она вообще всегда и всех жалела.

– Не сердись. – Люся опустила свою руку на его. – Это я так, дурака валяю. Нужно же о чем-то говорить!

– Необязательно, – обиженно пожал плечами Гена. – Можно и помолчать...

Обычно творчество Ника Рок-н-ролла производило неизгладимое впечатление на новичков. И Гена не явился исключением из этого правила. На сцене творилось нечто невообразимое! Представьте себе крепкого, высокого, черноволосого человека, все тело которого казалось лишенным костей. Выражение «извиваться, как змея» в данном случае не казалось преувеличением, а было всего лишь объективным описанием его телодвижений. При этом Ник умудрялся еще и петь. Если те нечеловеческие звуки, которые вырывались из его глотки, можно было назвать пением. Ник прыгал, кувыркался, дрожал мелкой дрожью, рвал тексты песен, написанные на больших листах бумаги и разбрасывал затем клочки у себя над головой. Тяжелые капли пота струились по его искаженному гримасами лицу, а красная футболка промокла насквозь и приобрела кроваво-зловещий вид. При этом певец обладал какой-то невероятной, нечеловеческой энергетикой, и его столь диковинная манера держаться на сцене рождала зрелище яркое, завораживающее, незабываемое. Усидеть на месте было практически невозможно. Словом, ничего подобного Гене, хотя он и считал себя знатоком русского рок-н-ролла, видеть в жизни еще не доводилось. Но, в отличие от большинства присутствующих на концерте зрителей, он впал в какое-то странное оцепенение, граничащее

со ступором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.